

Вот так причудливо и начинается связь между двумя людьми. Не правда ли, господин Цяо Е?

—————

Августовское солнце было похоже на котёл расплавленного железа, который опрокинули прямо на асфальтовую дорогу у главных ворот Линьцзянского медицинского университета.

Цяо Е тащил чемодан со сломанным колёсиком; ремень сумки на одном плече протёрся почти добела. Опустив голову, он как раз прикидывал, нельзя ли сегодня сэкономить на обеде, когда впереди, в толпе людей, стоявших в очереди на университетский автобус, вдруг кто-то рухнул на землю.

— Эй! Человек в обморок упал!

Это был первый отчётливый крик, который Цяо Е услышал, едва переступив порог университета. Почти инстинктивно он бросил багаж на землю и протиснулся сквозь людей.

Этот дрянной чемодан остался ему от старшей сестры, а сумку он носил ещё со старшей школы. Ночь он провёл на жёстком сиденье поезда, а деньги в кармане вся семья собирала по крупичкам на оплату при поступлении — ему было жалко потратить лишнюю монету. Место на восьмилетней программе клинической медицины Линьцзянского медуниверситета он вырвал ценой невероятных усилий и уж точно не собирался в первый же день у ворот наживать себе неприятности. А почему он во что бы то ни стало решил стать врачом — это была другая, старая история, о которой он не мог говорить запросто.

Но некоторые вещи не спрашивают, успел ты всё рассчитать или нет.

На земле лежал мужчина лет сорока, в поношенной футболке-поло, через плечо у него всё ещё висел свёрток с постельными принадлежностями для ребёнка. Он лежал лицом вниз на раскалённом асфальте и не шевелился. Люди обступили его кругом, но никто не решался прикоснуться — только один за другим кричали: «Скорее звоните 120!»

Цяо Е перевернул мужчину на спину и приложил два пальца к его шее. Три секунды — ничего. Он наклонился к его носу; грудь оставалась совершенно неподвижной.

Сердце остановилось.

В тот миг, когда эти слова взорвались у него в голове, его вечно беспокойная правая рука уже сама собой двинулась: ноготь большого пальца больно впился в сустав указательного пальца левой руки, оставив белый след-полумесяц. Эта привычка осталась у него с тех времён, когда он был нищим школьником: чем страшнее становилась ситуация, тем сильнее нужно было ущипнуть себя, заставить успокоиться. Не бойся. Ты тренировался.

— Все отойдите.

Он услышал собственный голос — быстрый и ровный, совершенно не похожий на внутреннюю панику.

Он опустился на колени рядом с мужчиной, распахнул ему ворот, поставил основание ладони на середину грудины, сцепил пальцы, выпрямил локти и, навалившись всем весом верхней половины тела, начал ритмично давить вниз. Каждое движение было жёстким, будто он хотел вдавить грудную клетку в асфальт. В уме он быстро отсчитывал ритм: сто нажатий в минуту — словно у кого-то отнимал добычу.

И ведь отнимал. У самой смерти.

В его голове была натянута струна: стоило мелькнуть мысли «человек сейчас умрёт», как она натягивалась до предела. Когда и чем её когда-то так перетянуло, сейчас думать было некогда. Он знал только одно: руки нельзя останавливать. Остановишься хоть на мгновение — и этот человек действительно уйдёт.

Пот стекал с подбородка и капал мужчине на рубашку, расплываясь тёмными пятнами. За спиной гудела толпа, издалека уже смутно доносилась сирена скорой, солнце жгло затылок, и вся дорога казалась готовой вспыхнуть. Цяо Е почти ничего не слышал. Для него существовала лишь безмолвная грудь под его ладонями.

Когда он начал второй цикл компрессий, с другой стороны протянулась рука.

Рука была безупречно чистой, с чёткими суставами и красивыми линиями — словно совсем не предназначенная для такой работы. Она точно обхватила запястье Цяо Е: без лишней силы, но так уверенно, что тот невольно замер на долю секунды.

— Позиция смещена, — произнёс спокойный мужской голос, неторопливо, словно оценивал неправильно решённую задачу. — Ещё на два сантиметра ниже. Будешь так давить — за три раза переломашь ему рёбра.

Не прекращая нажимать, Цяо Е поднял глаза и встретился взглядом с чересчур уж чистым лицом.

Парень был примерно его возраста. Светлая рубашка выглажена без единой складки, а на лице — ни капли пота, несмотря на жару. Тонкие, правильные черты, холодное выражение, будто он смотрел на Цяо Е через стекло. На запястье — серебряные часы старомодного вида. И между фразами он умудрился ещё раз опустить взгляд на циферблат.

Нашёл время часы разглядывать. Цяо Е мысленно цокнул языком.

— Тогда сам и делай, — огрызнулся он, не уступая места; ладонь продолжала ровно подниматься и опускаться. — Языком работать каждый умеет. Я к нему первый подбежал.

— Мне некогда у тебя что-то отбирать, — ровно ответил тот. Его пальцы уже легли на сонную артерию мужчины, затем он приподнял веко и проверил зрачки — быстро, без единого лишнего движения. — Вентиляцию беру на себя. А ты считай ритм и не сбивайся.

Цяо Е уже собирался выругаться, но следующие короткие оценки парня заставили его проглотить слова.

Тот больше вообще на него не смотрел, словно полностью переключился в другое состояние. Он быстро произнёс несколько терминов, которые Цяо Е пока встречал только в учебниках, затем поднял голову к толпе:

— В магазине рядом есть AED? Красный ящик. Бегом принесите, быстро.

Голос был негромким, но в нём звучало нечто, не допускавшее возражений. Несколько молодых людей, до того просто глазевших, замерли, а потом бросились бежать.

Как бы Цяо Е ни хотелось спорить, руками он честно подстроился под темп второго. Один считал компрессии, другой следил за временем и отдавал команды — и двое совершенно незнакомых людей вот так, с взаимным раздражением, внезапно сошлись как детали одного механизма. Цяо Е действовал быстро и жёстко, с какой-то отчаянной, безоглядной дикостью; второй — устойчиво и точно, с холодностью почти до бесчувствия. Две совершенно разные манеры, сцепившись вместе, неожиданно дали поразительно слаженный результат.

Среди наблюдавших стоял молчаливый мужчина средних лет в старой куртке. Издалека он переводил взгляд с одного юноши на другого, словно что-то взвешивал. Цяо Е было не до него.

Когда принесли AED, грудь мужчины едва заметно шевельнулась.

Прошёл ещё один цикл, и вдруг парень напротив снова схватил Цяо Е за запястье.

— Стоп.

Цяо Е остановился. Все вокруг задержали дыхание.

Три секунды растянулись словно на три года. А потом из горла мужчины вырвался невнятный стон, грудь чуть-чуть поднялась. Ещё раз.

Жив.

Из Цяо Е будто разом вынули все силы. Он плюхнулся прямо на раскалённый асфальт и только теперь заметил, что футболка на спине промокла насквозь и прилипла к телу — хоть выкручивай. Сердце колотилось в груди барабаном, куда быстрее тех ста ударов, которые он только что отсчитывал. Он широко улыбнулся и не удержался — улыбнулся парню напротив. В этой улыбке было чистое, ничем не замутнённое облегчение человека, который только что вытащил кого-то из пасти смерти.

— Получилось, — выдохнул он. — Слушай, дружище, а ты ничего так.

Тот не поддержал его тон.

Скорая наконец пробралась сквозь толпу, и медики приняли пациента. Парень неспешно поднялся, вынул из нагрудного кармана дезинфицирующую салфетку и тщательно протёр каждый палец, не пропуская даже промежутки между ними. Делал он это так сосредоточенно, будто эта спасённая жизнь испачкала ему руки. Закончив, он скомкал салфетку в маленький шарик и на полсекунды задержал взгляд на Цяо Е.

— Техника у тебя, — наконец сказал он всё тем же пресным тоном, — дикая. Что человек выжил — это только потому, что ему повезло.

Улыбка на лице Цяо Е мгновенно застыла.

— Да я тебе вот что скажу! — Он резко вскочил. Был ниже собеседника на полголовы, но напора ему это не убавляло. — Спасли — значит спасли. Вот окажешься однажды там, где ни людей, ни оборудования, посмотрю я, успеешь ли ты со своей идеальной размеренностью!

Похоже, тот считал даже ещё одно слово пустой тратой сил. Он только негромко произнёс:

— О.

И развернулся уходить.

Это «о» раздражало сильнее любой ругани. Цяо Е уставился на прямую спину удаляющегося парня и от злости снова впился ногтем в сустав пальца. Ответа так и не нашёл — будто со всей силы ударил кулаком в вату.

Он нагнулся за своим несчастным чемоданом без колёсика, поднял глаза — и увидел, как тот неторопливо идёт дальше по дороге.

На ветру развевался огромный красный баннер. Яркие золотые иероглифы буквально били Цяо Е по глазам:

«Горячо приветствуем первокурсников факультета клинической медицины».

Парень направился прямо к стойке регистрации под баннером и спокойно назвал своё имя. Цяо Е стоял недалеко и ясно расслышал два слога:

Пэй Цзюэ.

Скучавший старшекурсник, едва услышав это имя, подскочил со стула. Его лицо тут же озарилось такой предупредительной, почти заискивающей любезностью, какой Цяо Е ещё не видел по отношению ни к одному обычному первокурснику.

У Цяо Е ёкнуло сердце. Медленно, очень медленно до него дошла одна ужасная вещь.

Они поступили на один факультет.

В следующие долгие годы им предстояло постоянно попадаться друг другу на глаза.

А он только что умудрился всерьёз и окончательно оскорбить этого явно непростого господина.

<http://bllate.org/book/21871/2271001>